

Современная интеллигенция

проблемы социальной идентификации

Материалы
IX Международной конференции
“Байкальские встречи”

18 - 21 июня 2012г.

Том 1

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ
РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ
КОМИТЕТ ПО МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫМ ОТНОШЕНИЯМ И РАЗВИТИЮ
ГРАЖДАНСКИХ ИНИЦИАТИВ
ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ РАН, ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН
ЖУРНАЛ «СОЦИС», РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО СОЦИОЛОГОВ
ЖИТОМИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (УКРАИНА)
МОНГОЛЬСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (МОНГОЛИЯ)
ЩЕЦИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (ПОЛЬША)
БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

IX Международная научная конференция («Байкальская встреча»)

СОВРЕМЕННАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

МАТЕРИАЛЫ

*IX Международной научной конференции
18 – 21 июня 2012 г.*

В 3 томах

Том I

Москва – Улан-Удэ
2012

УДК 316.343.725
ББК 60.543.132.1
С 568

Редакционная коллегия

И. И. Осинский, д-р филос. наук, проф. (отв. редактор); **О. Ж. Гончикдоржиева**, канд. социол. наук (отв. секретарь); **М. В. Бадмаева**, д-р филос. наук, доцент; **А. Н. Постников**, д-р филос. наук, проф.; **М. И. Добрынина**, д-р социол. наук, доцент; **Э. Д. Чагдурова**, канд. филос. наук, доцент; **О. Ю. Рандалова**, канд. филос. наук, доцент; **К. А. Багаева**, канд. филос. наук, ст. преп.; **Ю. С. Ринчинова**, канд. филос. наук, ст. преп., **Н. А. Жапова**, канд. филос. наук, ст. преп.

E-mail: intellige2007@rambler.ru

Материалы публикуются в авторской редакции

С 568 Современная интеллигенция: проблемы социальной идентификации: сборник научных трудов: в 3 т. / отв. ред. И. И. Осинский. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2012. – Т. 1 – 260 с.
ISBN 978-5-9793-0476-2
ISBN 978-5-9793-0479-3

В сборник научных трудов включены материалы международной научной конференции, состоявшейся в г. Улан-Удэ 18-21 июня 2012 г. В них обсуждаются проблемы социальной идентификации и самоидентификации современной интеллигенции. Рассматриваются особенности, характер, структура, направление этих процессов в условиях растущей глобализации и формационных сдвигов. Анализируется влияние происходящих перемен на природу, облик, настроение, поведение интеллигенции. Рассматривается характер идентификационных процессов.

Present Intelligentsia: Problems of Social identification: the collection of proceedings: in 3 pt. / the chief editor I. I. Osinsky. – Ulan-Ude: the Publishing Department Buryat State University, 2012. – Pt. 1 – 260 p.

This collection of scientific studies contents the materials of the international conference which was hold in Ulan-Ude on June 18-21, 2012. The problems of social identification and self identification of the modern intellectuals were discussed there. There were studied the main features, structure and the direction of these processes in the conditions of rapid globalization and formation shifts. Also the influence of occurring changes on the nature, habit, mind and behavior of the intellectuals was analyzed there. And the nature of identification processes was studied.

ISBN 978-5-9793-0479-3

© Бурятский госуниверситет, 2012

14. Хизрич Р. Основы предпринимательства. – М., 1997. – С. 84.
15. См.: Кравченко А. И. История менеджмента. – М.: Академический проспект; Фонд «Мир», 2007. – С. 410.

© А. В. Рускевич
(Житомир)

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ НА ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ АБСТРАКТНОЙ МЕРЫ ИСТОРИИ И УТВЕРЖДЕНИЯ СЕБЯ КАК ЕЁ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ МЕРЫ

Особенность исторического мышления современности состоит в ломпенизации обыденного сознания и в феномене неадекватности теоретического сознания историческому бытию. Логически это обуславливается неспособностью выхода за регрессивные границы современного исторического пространства и рефлексии исторической реальности с оснований будущего, а также идеологической склонностью к сознательной и бессознательной мистификации исторического бытия. Распространение позитивизма на сферу теории обрекает последнюю на выстраивание искусственных конструкций, которые не могут не быть вариациями деконструктивизма. Одной из причин выведения культуры из сферы интересов является неправомерность для постклассической истории абсолютизации уровня развития производительных сил в качестве единственного и определяющего критерия развития того или иного общества. Научно-техническая революция становится основанием возможности культурной революции и сама проявляется в определенной степени как революция культурная, хотя и в отчужденном виде, но такая степень проявляется как порождение феномена свободного времени, освобождения человека из пределов утилитарного производства и перемещения его в пространство свободного саморазвития. При преодолении отчуждения свободное время суть единственное непосредственно производящее общественное богатство, поскольку предоставляет человеку возможность производить себя не только по логике материальных потребностей, но и по логике сформированных способностей и одновременного формирования-развития таковых. Только в этих параметрах научно-техническая революция и опредмечивающее ее индустриальное производство являются условиями человеческого измерения прогресса. Вместе с тем свободное время в пределах частной собственности на средства производства и частной формы распределения материального богатства является отчужденным свободным временем. Так происходит превращение большинства населения

земного шара в лишние люди. Основной мотив «конфликта цивилизаций» состоит в необходимости преодоления сущностной раздвоенности общественного разделения труда. В первую очередь речь идет о конфликте сущности и существования, в котором существование уже невозможно вне непосредственного тождества с сущностью.

С точки зрения Н. Злобина, «кризис современной цивилизации знаменует (...) историческую исчерпанность логик формационного развития и насущную необходимость выдвижения в качестве определяющей жизнедеятельность общества логики развития культуры. Детерминантой всех глобальных проблем как раз и выступает прямое столкновение в ней этих двух логик – общественного развития как естественно-исторического процесса, представленного формационным принципом, и как прогресса культурно-исторического, представленного принципом центрации личности» [3, С. 20]. Здесь обнаруживается ложная логика саморефлексии современной истории в том плане, что постмодернизм выступает логическим следствием исчерпанности формационного становления истории и в то же время, констатацией консервации этого конца в искусственных реалиях; культурно-историческая субъективация основания истории как объективная атрибутивность «постклассического» развития предстает в виде предельной эксплуатации субъективного фактора современной мировой конфликтной ситуации, причем в неординарной форме. Особенность последней обуславливается феноменом совпадения субъективации всемирного основания и необходимостью его перехода в непосредственное саморазвитие.

Эта «субъективно-объективная» ситуация обнажает антагонизм сведенных в единое историческое пространство-время, в общее основание внутренних противоречий и антагонизмов разновременных уровней человечества. Такой онтологической ситуации история не знала никогда. Уже не может быть локальной гражданской или другой войны. Всемирный антагонизм обречен на «разрешение» по типу цивилизационного взрыва, при пассивности субъективного фактора, когда диалектический переход основания так и не состоится. В Европе повсеместно растет самый безудержный национализм, эгоизм, готовый оправдать всякое распространение собственной нации в ущерб другим народам.

В условиях глобализации экономические интересы почти всегда доминируют над политической целесообразностью. Происходит исключение их гуманистической направленности. Узурпация культуры экономическим интересом выступает новой формой отчуждения субстанциальной значимости свободного времени и распространения на него транс-

формированных признаков производящего меновые стоимости рабочего времени. Современность не распредмечивает универсалии культуры, а отчуждает их по логике регрессий агрессивной экспансии политической экономии.

Сущностный выход современной истории из классического пространства не совпадает во времени с разрешением фундаментальных противоречий становления, является формальным и не представляет собой разрешение противоречий науки логики и феноменологии духа. В силу того что фундаментальные противоречия предыстории разрешались антагонизмами классовой борьбы, то и содержание данного периода не выходит за пределы и компетенцию классовой борьбы. В этой борьбе предстает противоречивая природа практического разума, который классика знает только в форме императивов морали, т.е. как субъективную реальность абстрактного гуманизма. С точки зрения М. Шкепу: «Для различных периодов формационного становления носителем практического разума выступал не непосредственно класс производителей (практически осуществляющий всеобщность как форму предметно-практической жизнедеятельности, он являлся одновременно и подлинным носителем нравственных императивов). В стихийно-хаотическом пространстве производства существования производились практические предпосылки познания, но класс, который выполнял функцию прогрессивного субъекта смены формационных основ, не становился непосредственно познающим субъектом» [4, с. 194]. По этой причине до тех пор, пока основание не освободится разрешением антагонизма «цивилизация – культура», в сущности истории роль пролетариата остается той же, какой она определилась логикой классической истории. Представитель Римского клуба Бертран Шнейдер утверждает именно эту мысль: «...я считаю, что XXI век начался в 1917 году в России. А XX век начался в 1789 году с Французских революций» [5, С. 30].

По причине деформации непосредственной сферы бытия всеобщего – труда, деградация его объективности через деградацию субъективных мотивов и потребностей обуславливают и служат причиной деградации истории как всеобщности. В свою очередь, деформация сущности и мотивации труда проецируется в деформации эстетических, этических и логических предпосылок производством человека самого себя. Оно распространяется на все сферы общественной жизнедеятельности и занятости, в первую очередь – на сферу промышленного труда. Отсюда деградация рабочего класса, и вместе с ним интеллигенции, приводящая за собой ситуацию, когда в современной истории отсутствует прогрессивный субъект

ект. В этом смысле наличная история бессубъектна и в субстанциальном значении предстает бесцельной, неосновательной и, в зависимости от характера рыночных отношений, хаотичной.

Связь творческой десубъективации истории и ее возможной фатальности очевидна. И как следствие, искажения в культурном (необходимом совпадении идеального и материального) видении истории. Регрессия интеллигенции обеспечивает деградацию истории в ее идеологических, политических и социальных параметрах. Иными словами, деструкция феноменологии истории начинается с феноменологического превращения интеллигенции. Поэтому Ж. Деррида правомерно увязывал апокалипсические мотивы реальной истории с «апокалипсисом разума» как условием деконструкции: «Является ли апокалипсис разума единственной формой апокалипсиса? Если подобная изнанка разума все же существует и апокалипсис разума лишь открывает серию возможных апокалипсисов, то и тогда заключенное в скобки деконструированное путешествие в Москву, записанное и незаписанное одновременно, остается «удачным выкидышем», редким набором следов, но его истина оказывается в окружении не-истины и тем самым локализуется, открывается тому, что граничит с ней, но лежит за ее чертой, совсем рядом и очень далеко» [2, С. 140—141].

Вместе с тем современное сопротивление западной цивилизации универсалиям, как и современная невыразимость семантики исторических связей в контексте опредмечивания универсалий логоса, не только смещает акцент объективной истины в ее субъективистских выражениях, но и отрицает ведущую роль класса-субъекта в качестве снимающего видимость понятийных истин и опредмечивающего истину объективных закономерностей истории. Эти мифы не только не вписываются в культурную меру истории, но и являются условиями ее деградации. Культура превращается в регрессию исторической реальности с той минуты, когда вырождается созидаящая ее основа — общественная жизнедеятельность. Мифы об общечеловеческих ценностях не только способствуют семантическому и функциональному смещению субъекта истории с позиций прогресса, но и уничтожают его. В аспекте деградации «субъективного фактора» мировой культуры остается актуальной проблема феноменологии исторического пробуждения масс. Феноменология реального человека запаздывает от феноменологии истории. Действительной предметностью культурной истории, с которой она может начинаться после завершения классического становления, может быть непосредственность, воссоздающая одновременно цикл «повторения истории в ее узловых моментах» через воспроизводство конкретно-исторического содержания «узло-

вых моментов» самое себя в характеристиках общезначимой жизнедеятельности. Речь может идти лишь о той непосредственности, которая опосредуется образованием всеобщности индивидуального самосознания. А такое происходит уже не по безусловной (в значении незнания своей основы) логике гегелевской феноменологии духа, а средствами реального небезразличия к историческим противоречиям и новым, входящим в пространство индивидуальной жизнедеятельности, масштабам исторического пространства.

В таком опосредствовании речь не идет об абстрактной всеобщности знающего лишь свою «идеальную» историю мирового разума. Речь идет о таком качестве всеобщего, когда оно положено как наличное бытие и начало действительности истории в индивидуальном самосознании данного становления. В классических пределах феноменологии духа совпадение двух начал – индивидуальной феноменологии и феноменологии истории – в принципе невозможно. Его невозможность не позволила Гегелю вывести действительный «объем», меру опосредствования и снятия объективного основания в индивидуальной феноменологии. Гегель вынужден был по онтологической логике категориального становления «Логоса» абстрагировать противоречия логики истории и истории логики из пространства их реальных взаимопревращений. Поэтому и начало феноменологии духа выступает здесь простым, сохраняющимся в ограниченном круге опосредствования «Я», но теряющимся на выходе в пространство всеобщего разума тождеством.

Для классической феноменологии духа «опосредствование есть не что иное, как равенство себе самому, находящееся в движении, или оно есть рефлексия в себе же, момент для себя сущего «я», чистая негативность или (...) оно есть простое становление» [1, С. 10]. Равенство себе самому и выход сознания из сферы чувственного представляется здесь отчужденным опосредствованием, поскольку оно не представлено как равенство другому и положительным опосредствованием «другим». «Другое» – это прежде всего абстрагированное в абстрактном единичном общество. Поскольку же «другой» человек предстает не как тотальность «Я», а как положенность индивидуализированной совокупности общественных отношений, то она становится как бы вне истории, ведь в системе объективного идеализма история рассматривается как результат мирового духа, в движении которого феноменология духа не самодостаточна, а суть опосредствующий процесс возвращения идеи к себя в качестве абсолютной истины. С другой стороны, реальное отчуждение не может быть непосредственной диалектической предпосылкой для феноменологического становления некритической субъективности.

Представленное классическое противоречие необходимо для понимания в качестве принципа гносеологического основания образования классового самосознания субъекта истории-культуры уже не просто в среде пролетариата, а общества в целом. Представляется, что это одна из фундаментальных проблем педагогического процесса «постистории». И самой сложной задачей педагогического образования будущего будет выведение способа познания логики снятия онтологических основ классического становления. Будучи одновременно и внутренними, и внешними, субстанциальные противоречия классической истории отражаются в человеке в форме его классовой феноменологии. Такое положение дел является не только следствием разделения материального и идеального на дуализм сущности, но разделения по данному принципу истории и культуры. Поэтому классовая борьба только на первый взгляд предстает борьбой лишь за условия существования, но по своей сути она разрешает фундаментальное противоречие отчужденности истории и культуры.

Метафизика разыгрывающейся трагедии и видообразование идеологии мешает рабочему классу, и вместе с ним интеллигенции, осознать культурно-историческую цель собственной борьбы, что есть не самоцелью, а способом установления предпосылок перехода истории из пространства производительной функциональности в пространство окультуренных мировых отношений. И поскольку способ функционирования иррационализма в его нынешних реалиях отрывает причину от следствия и искажает способ отражения исторического времени в разных формах культуры, то влияние исторического бытия на общественное сознание сегодня также искажается. Следовательно, способ влияния истории на индивидуальные сознание и чувства (тем более – способ влияния индивидуального сознания на историю) ускользает от окончательных теоретических обобщений. Более того, если влияние исторического бытия на индивидуальное сознание детерминировано содержит момент подчиняющего себе человека исторического фатализма, то вторая сторона (влияния индивидуального на историю) становится существенным атрибутом превращения исторического бытия в творчество истории.

Здесь не может быть абстрагирования культуры в обособленные индивидуальные формы (наподобие великих людей классического периода), поскольку творчество истории как творчество культуры и есть творчество каждого человека в субстанциальных параметрах тождества мышления и бытия. Противоположный вариант одиночество. Личностно-обособленное опосредствование классового становления было не только условием, но и необходимой формой. Для постклассической истории одиночество личности обуславливается возможностью теоретического

опережения действительности в видении логики дела. Но это — возможность зависимости от уровня культуры, сформированного прошлым временем «Я». В монистическом основании не наличие отдельных всемирно-исторических личностей является критерием реальности культуры, а выход культуры за пределы феноменологической (гносеологической, моральной, политической, художественной и т.п.) обособленности отдельных персонажей. Таким образом, преодоление метафизики обособленной феноменологии суть культурное преодоление метафизики единичности субъекта истории и самой культуры.

Переход основания из абстрактной единичности в тотальность непосредственности каждого есть наиболее существенная характеристика действительности нового типа общественных отношений. Поэтому в границах преобладания «идеологической надстройки» над «экономическим базисом» возникает новое социальное содержание общественной роли интеллигенции. Она покидает традиционное пространство своей жизнедеятельности и исторической функциональности. Активизация интеллигенции в сфере политики только очерчивает опосредствованность личного перехода «чистого разума» в «практический разум». Здесь, в частности, можно найти одну из причин того, что субъект культуры выходит за пределы представительства форм общественного сознания, а природа и содержание последних становятся историческим самоопределением обыкновенного человека.

Таким образом, история саморазрушается и деградирует в классовом отношении с того момента, когда классовая борьба остается политическим делом, но не становится практическим делом культуры. Непонимание своей культурой конечной цели консервирует классовую борьбу в пространстве политики. Оно же порождает уродливые крайности, которые возможны во времена культурных революций. В таком случае догматическое понимание субъекта истории заключается в непонимании такого факта, что подлинно революционный субъект в постклассической истории может быть таковым лишь становясь субъектом культуры. В том же времени и пространстве это означает реальную объективацию культуры в принципиальном изменении характера отношения к истории как к космическому времени культурного человека (актуализируется действительная мера человека, опосредованная дифференциацией и интеграцией наук, восхождением абстрактного к конкретному). Положение «философии как духовного оружия пролетариата» (К. Маркс) важно для понимания восхождения научной идеологии в реальное историческое действие и принцип действия масс.

Условием превращения культуры в действительность истории в преодолении классовой раздвоенности выступает классовое разрешение противоречий основания отчужденности культуры в истории. Культурным субъектом истории может быть тот, кто на уровне основ жизнедеятельности общества в целом создает условия его развития.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа: Соч. В 14 т. Т. 4 / Г.В.Ф. Гегель. — М.: Соцэкгиз, 1959. — С. 10.
2. Жак Деррида в Москве. — М.: РИК «Культура», 1993. — С. 140 — 141.
3. Злобин Н. Коммунизм как культура / Н. Злобин // Альтернативы. — 1995. — № 1. — С. 20.
4. Шкепу М.А. Феноменология истории в трансформациях культуры / М.А. Шкепу. — К: Книжное издательство НАУ, 2005. — С. 194.
5. Шнейдер Б. Глобальная революция / Б. Шнейдер // Свободная мысль — 1993. — № 9. — С. 30.